

ТЕХНИКА В КУЛЬТУРЕ: ВОПЛОЩЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО И ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПРИРОДНОГО (Н.Ф. ФЁДОРОВ, П.А. ФЛОРЕНСКИЙ, Ф. ДЕССАУЭР)

Т.В. Бернюкевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», Москва

Для цитирования: Бернюкевич Т.В. Техника в культуре: воплощение божественного и преобразование природного (Н.Ф. Фёдоров, П.А. Флоренский, Ф. Дессауэр) // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7–8. – С. 31–36. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.31-36>

Поступила: 11.11.2020

Одобрена: 25.11.2020

Принята: 15.12.2020

▪ **Актуальность** темы исследования связана с интересом к наиболее важным религиозно-философским концепциям конца XIX — первой половины XX в., в рамках которых определялась миссия техники как особого способа возвращения к целостности бытия.

Целью статьи стало рассмотрение идей Н.Ф. Фёдорова, П.А. Флоренского, Ф. Дессауэра о роли техники в воплощении божественного замысла и преобразении мира.

В качестве основного **методологического подхода** в исследовании использовался компаративистский. Он способствовал не только раскрытию особенностей идей этих авторов, но и позволил сделать вывод об общих тенденциях определения онтологического статуса техники в религиозно-философских работах рассматриваемого периода.

В заключении статьи отмечается, что назначение техники в концепциях Н.Ф. Фёдорова, П.А. Флоренского, Ф. Дессауэра связывается с её возможностями преодоления распада и восстановления единства: человека с богом, божественного с природным, природного с социальным и т. п. — через культуру, понимаемую как деятельность человека, освящённая замыслом Творца.

▪ **Ключевые слова:** миссия техники; философия техники; онтологический статус техники; Н.Ф. Фёдоров; П.А. Флоренский; Ф. Дессауэр.

TECHNOLOGY IN CULTURE: EMBODIMENT OF THE DIVINE AND TRANSFORMATION OF THE NATURAL (N.F. FEDOROV, P.A. FLORENSKY, F. DESSAUER)

T.V. Bernyukevich

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia

For citation: Bernyukevich TV. Technology in culture: Embodiment of the divine and transformation of the natural (N.F. Fedorov, P.A. Florensky, F. Dessauer). *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(7-8):31–36. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.31-36>

Received: 11.11.2020

Revised: 25.11.2020

Accepted: 15.12.2020

▪ **The relevance** of the research topic is related to the most important religious and philosophical concepts of the late 19th — early 20th centuries, in which the mission of technology was defined as a special way of returning to the integrity of being.

The purpose of the article is to consider the ideas of N.F. Fedorov, P.A. Florensky, F. Dessauer on the role of technology in the embodiment of the divine purpose and the transformation of the world.

Comparative approach was used in the study as the main **methodological approach**. It contributed not only to the disclosure of the features of the authors' ideas, but also made it possible to draw a conclusion about the general trends in determining the ontological status of technology in the religious and philosophical works of the period under consideration.

In the conclusion of the article, it is noted that the purpose of technology in the concepts of N.F. Fedorov, P.A. Florensky, F. Dessauer is associated with its ability to overcome decay and restore unity: man with God, divine with natural, natural with social, etc. — through culture, understood as human activity, sanctified by the Creator's purpose.

▪ **Keywords:** mission of technology; philosophy of technology; ontological status of technology; N.F. Fedorov; P.A. Florensky; F. Dessauer.

Введение

Считается, что проблема отношений религиозного и технического стала появляться в дискурсе философии и теологии в первой половине XX в. Однако в истории русской философии в конце XIX в. развивается направление, в рамках которого техника рассматривалась не только как часть становления человеческой цивилизации, но и как часть богочеловеческого созидательного процесса. В данном случае речь идёт о русском космизме, в частности о трудах Н.Ф. Фёдорова. Для родоначальника русского космизма техника и техническая деятельность были частью проекта преобразования мира и человека, привнесения в природу разумности. При этом русский философ, безусловно, видел все недостатки утилитарных отношений природа – техника, однако в проективной философии Фёдорова техническим изобретениям, в том числе и военным, отводилась роль одного из важных элементов создания новой управляемой системы отношений человека и природы, включая задачу преодоления смерти.

В исследовательской литературе достаточно широко представлено рассмотрение концепции «органопроекции» [11]. В 1877 г. появилась работа Эрнста Каппа, которую можно считать одним из программных произведений философии техники. Идея органопроекции заключается в понимании технических орудий как проекции человеческого тела, его повторении в них. Русский философ П.А. Флоренский углубляет антропоцентризм в определении сущности технического [10] и полагает, что в способности создавать орудия воплощается сущность человеческого как часть более широкого культурного, он видит в этом один из способов антроподицеи как таковой, антроподицеи, неразрывно связанной у русского религиозного философа с теодицеей.

Концепция философии техники Ф. Дессауэра основывается на особом понимании онтологического статуса техники, её роли в становлении Бытия, соотнесении божественного, человеческого и технического. С одной стороны, это связано с его теологическим творчеством, с другой — с его общим пониманием техники как мира, обладающего особой созидательной сущностью. Исследователи отмечают оригинальность концепции Дессауэра, которая «не укладывается в “практико-прагматические” стандарты объяснения природы техники, её назначения, а главное — её сущности в современной ему и нам литературе» [7]. Сам философ отмечал близость своих взглядов платонизму, а его современник

и исследователь его творчества К. Тюхель писал, что «сегодня нет или почти нет мыслителей, кто думал бы аналогичным образом» [7].

Исследованиям по философии техники у Ф. Дессауэра посвящены монографии «Философия техники. Проблема реализации» (1927) и «Спор о технике. Краткое изложение» (1956 г., на русском языке издана в 2017 г.) [4]. Во второй монографии Дессауэром изложено не только философское, но и теологическое понимание техники.

Предполагается, что постановка вопроса о понимании техники, как пути воплощения божественного и преобразования природного, важна не только для понимания роли техники в мире и жизни человека и прояснения ряда историко-философских вопросов, но и для определения места этих вопросов в контексте существования культуры и выявления онтологического статуса техники.

Методология и методы исследования

Для установления связей религиозного и технического, особенностей формирования онтологии техники через определения её культурно-антропологических целей в ряде работ таких известных философов, как Н.Ф. Фёдоров, П.А. Флоренский, Ф. Дессауэр, используется компаративистский подход, позволяющий выявить не только специфику этих вопросов в их творчестве, но и рассмотреть общие вопросы связи техники и задач переустройства мира, которые в период конца XIX — начала XX в. интересовали философов. Анализ этих вопросов в рамках тенденций развития культуры не только на рубеже прошлых веков, но и в контексте проблем современности, позволяет актуализировать вопрос об отношении в культуре её разных элементов и о типах этих отношений. Определение направленности дискуссий о религиозном и техническом в философии техники не может быть осуществлено без историко-философской реконструкции идей, придающей этому анализу содержательность и конкретность.

Результаты исследования

Результатом проекта «регуляции природы» Н.Ф. Фёдорова должен был стать новый этап развития мира, на котором человечество по-настоящему может этим миром управлять. И именно на этом этапе: «Природа в нас начинает не только созавать себя, но и управлять собою» [12]. Для того чтобы осуществить такую регуляцию необходимо изучить общепланетарный порядок, понять естественный ход

природных процессов регуляции, научиться их организации. Только тогда разумной станет сама природа, изменится стихийный природный мир, произойдёт его радикальное преобразование.

Без этого внесения разума в сам способ природного существования техническая деятельность будет лишь временным решением насущных проблем человечества. Успехи её будут лишь видимостью, частью которой станут несчастные случаи и техногенные катастрофы: «Мы не оболыцаемся мнимыми успехами, тем, что нынче называется торжеством над природой и не эти мнимые успехи заставляют нас приписывать науке ту важную роль, которую ей предстоит совершить. Взять ведро воды и, обратив его в пар, заставить работать, это не значит одержать победу над ведром воды. Нужно видеть, как эта побеждённая сила рвёт пальцы, руки, ноги у прислужников машин, чтобы поумерить свои восторги; очевидно, что эта сила не наша ещё, не составляет нашего органа. Конечно, и истребление топлива (без восстановления его), необходимое при упомянутом торжестве над природой, тоже можно причислить к победам, но к победам, конечно, Пирра» [12, с. 424].

По мнению Н.Ф. Фёдорова, помимо изобретения «искусственных приставок к своим органам» необходимо развитие самих человеческих органов и даже их кардинальное изменение. Достижение этой цели без совершенствования техники невозможно. И только тогда, когда человек «будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул» и «будет способен жить во всех средах, принимая всякие формы», ему «будут доступны все небесные пространства, все небесные миры» [12, с. 501].

Есть у Фёдорова и идеи соотнесения органов и технических изобретений [1]. К примеру, такая мысль присутствует у него в описании аппарата для управления Солнечной системой путём регуляции электрической силы. Электричество отождествляется им с нервной системой, а состояние Солнечной системы с организмами, в которых «нервная система ещё не образовалась, не отделилась от мускульной и других систем». Поэтому для гармонизации всей Вселенной необходимо «устройство такого регулирующего аппарата», которое изменит пока ещё слепую, несущую смерть Солнечную систему [13].

Сам проект радикального изменения человека и глобального преобразования природы и Вселенной, в том числе и с помощью технических изобретений, мыслился русским религиозным философом как следование божествен-

ному замыслу. Его невозможно осуществить без «общего дела» — построения общества на основе новых нравственных отношений, преодоления «неродственных отношений» между людьми и между людьми и природой, исполнения «сыновнего долга». По существу, это становление особой культуры путём создания и осознания новых мировоззренческих универсалий, которые становятся основой всей системы культуры: от семейного уклада, школьного образования до создания техники для управления и освоения Вселенной.

Понимание техники у Павла Флоренского также нельзя рассматривать вне контекста отношений природы и культуры. Флоренский так определяет это взаимосуществование природы, человека и культуры: «Ведь культура никогда не даётся нам без стихийной подосновы своей, служащей ей средою и материей: в основе всякого явления культуры лежит некоторое природное явление, культурою возделываемое. Человек, как носитель культуры, не творит ничего, но лишь образует и преобразует стихийное» [14].

Однако и природа в том виде, в котором мы её воспринимаем, — это природа в «культурной форме», поскольку только такая природа, по мнению Флоренского, нам доступна. Именно культурная форма, «служащая ей сдержкой», делает возможным познание, освоение природы: «Подобно тому, как пища не входит в состав нашего организма, не будучи сперва усвоена организмом и преобразована им в наше тело, так и природа не входит в наш разум, не делается достоянием человека, творца культуры, не преобразованная предварительно культурною формою» [14, с. 375–376].

Вероятно, в этом ракурсе технику можно определить как особую культурную форму природного. В таком случае антропоцентризм концепции органопроекции техники у Флоренского одновременно и природосообразен, и культуроцентричен.

Анализируя антроподицею Флоренского и стремясь к обоснованию её целостности и связи с теодицеей, игумен Андроник (Трубачёв) формулирует «обобщённые выводы» относительно этой концепции Флоренского. Согласно им: «Оправдание человека совершается: 1) в строении человека как образа Божия и в его изволении проходить жизненный путь в соответствии с Божией волей, с Богом данным уставом, архетипом; 2) в освящении человека, когда он из грешного становится освящённым, святым; 3) в деятельности человека, когда сакральная (культурная, литургическая) деятельность является первичной и освящает мировоззрение

(науку и философию), хозяйство и искусство» [14, с. 8–9]. Философию техники Флоренского можно связать с первым и вторым тезисами этих выводов.

В настоящее время достаточно изучена и активно обсуждается концепция «органопроекции» П. Флоренского. Исследователи отмечают идеи русского религиозного философа о том, что «органопроекция расширяет границы тела, это удел человека после грехопадения, оторвавшего человека от мира, проложившего между ними границу. Создавая орудия, человек преодолевает эту границу, восстанавливая с миром связь. Орудие и орган — две линии воплощения одной идеи... Орудие и орган имеют одну цель, призваны решать конкретную задачу в ответ на конкретную потребность, их схожесть обусловлена выполняемой функцией, она не поверхностна, потому между ними всегда имеется морфологическое сходство» [9, с. 135].

Довольно часто при анализе идей Флоренского превалирует рассмотрение технологического-морфологического аспекта «органопроекции». Однако по большому счёту «органопроекция» — это собственно культурный способ достижения единства бытия, заданного Богом и потерянного самим человеком. «Полу-существование, полу-бытие и полунепбытие» органов и функций Адама после грехопадения восстанавливается через культуру [14, с. 438].

С.М. Половинкин отмечает, что Флоренский понимает слово «тело» в широком и узком смыслах. «В первом случае это всё организованное человеком “пространство жизненных отношений”; тело в узком смысле — “небольшая часть пространства, непосредственно пронизываемая энергией жизни, микрокосм, а не весь макрокосм”» [8, с. 88]. В этом контексте создание орудий по аналогии с функциями органов — символическое воплощение единства самого человеческого организма через становление его в культуре путём преобразования природы и создания особых культурных форм — орудий — как органопроекций: «Душа – Тело – Изображения — вот пояснение органопроецирования, как деятельности символизации» [14, с. 438].

Флоренский пишет, что «понять символ-орудие — это значит узнать в нём луч жизни, его образующий, и усмотреть связь этого символа-орудия с другими символами-орудиями» [14, с. 427]. Деятельность человека связана с его творческим началом. Половинкин утверждает, что у Флоренского «“творческие недра” человека, проектируемые вовне, — “органы” и “орудия”» [8, с. 119].

При этом «совокупность орудий есть наше хозяйство», которое, по сути, «совокупность наших внутренних движений — совокупность символов нашего духа» и «всё то, что не есть образ духа, — не есть и часть хозяйства» [14, с. 427]. Создание техники и антропо-, и культуроцентрично, и в совокупности есть соответствие Божьему промыслу. Поскольку цель культуры, по Флоренскому, да и сама культура — это та самая деятельность, которая включает в себя и науку, и философию, и хозяйство, и искусство, в ней всё названное освящается первичной сакральной деятельностью. Флоренский метафорически описывает связь организмов и орудий через форму — органопроекцию: «Можно сказать, что формами своими — как спинами — организмы и орудия соприкасаются друг с другом. Лица же их — содержание этих форм — смотрят в разные стороны. Культура в этом смысле, как совокупность организмов и орудий, есть двуликий Янус. И одно лицо этого Януса смотрит на метафизическое Время, другое — на метафизическое Пространство, соприкасаются же они между собой формою, то есть явлением в эмпирическом времени и эмпирическом пространстве» [14, с. 454].

Половинкин считает, что, согласно идеям Флоренского, «природа является совокупностью вещей, культура — совокупностью деятельностей-энергий человека» [8, с. 258], и «целеполагающая Воля человека делает из объекта природы объект культуры» [14, с. 22]. Связность культуры, по Флоренскому, определяется «царством целей»: «Отсюда единство — то, что заменяет закономерность. Культура — целое, целостное» [14, с. 23]. В этом случае «историческая задача техники — сознательно продолжить своё органопроецирование, исходя из решений, даваемых бессознательным телостроительством души» [14, с. 417]. Именно это «телостроительство души» в пространстве и позволяет вернуться к целостности и единству и самого человека, и природы, и культуры.

Сама техника в этом случае становится фактором и условием познания человека, его тела и функций. Особенности человеческих органов проясняются в «технических проекциях», а «технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию», так как в технике открываются «ещё не исследованные стороны жизни» [14, с. 421]. Следовательно, мы можем говорить о прогностических функциях техники в отношении изучения органической жизни. Генезис и развитие тела человеческого полагаются самим «устремлением жизни», которое «в порядке

органическом, взятом совне, являет себя в качестве создаваемого им органа, оно в порядке орудийном, опять совне взятом, — строит орудие, технику, цивилизацию» [14, с. 422].

Органопроекция как направление в достижении потерянной полноты бытия человека в пространстве культуры есть часть и высшей цели Культуры и часть «единого организма целей, высшего единства целей, царства целей, возглавляемого Целью всех целей, Богом» [14, с. 23]. В этом случае, пишет Флоренский, взаимосвязь природы и культуры воплощается следующим образом: «Общности (схожести) природы через закономерность соответствует живое единство культуры через целестремительность» [14, с. 23].

Понимание техники в XX в. претерпевает значительные изменения. «От техники как “всякого обращения наружу, всякого воздействия на материю” у П.К. Энгельмейера к технике Ф. Дессауэра как “реальному бытию из идей посредством целевой организации и обработки из данных природой запасов” и к системно-теоретической модели Г. Рополя, где о техническом речь может идти тогда и только, когда “предметы искусственно изготавливаются человеком и применяются с определёнными целями”», — пишет современный исследователь семиотики техники и переводчик трудов немецкого философа техники Ф. Дессауэра [2] А.Ю. Нестеров [5, с. 93].

Генезис техники и её онтологический статус у Ф. Дессауэра определяется способностью созданного Богом бытия к развитию, воплощению в разных формах [6]. Движение бытия связано и с деятельностью человека, в том числе с созданием техники: «Нам следует понимать свидетельство о творении книги Бытия так, что творец не придал созданному им жёсткие формы, но снабдил его способностью и законом развёртывания... Этим обусловлено продолжение творения природы с помощью человека посредством техники. Техника фактически изменила „облик Земли“, земную поверхность» [4, с. 162].

Дессауэр различает и одновременно пространственно соединяет «каузальное царство природы» и «финалистское царство техники». Он ярко демонстрирует это, описывая полёт самолёта [4, с. 163].

Идеи Флоренского и Фёдорова можно сравнить с размышлениями немецкого философа о воплощении Божественного замысла «посредством человека, способного продолжить творение» [4, с. 164]. Дессауэр пишет, что при таком понимании «текста первой главы книги Бытия техническое творчество действительно утверждается как осуществление намерения

творца, как богоугодное дело, оправдывается этически, наделяется ценностью и достоинством, но вместе с тем и обременяется ответственностью, которую возлагает такой завет» [4, с. 164]. Он уверен, что в теологической перспективе техника «остаётся миссией, поручением творца, использующего человека в своих целях» [4, с. 165].

Фридрих Дессауэр в своей книге «Спор о технике» причины недоверия теологов к технике видит в том, что в прошлом «сотворение понималось как “создание готовым” из ничего». Однако, по его мнению, человечество получает новые знания о развитии мира, к ним он относит знания о процессах в космосе, результаты биологических исследований, разработку самих методов и средств познания, этот прогресс в познании он связывает с изобретениями техники, с помощью которых меняется картина мира — «облик Земли» [4, с. 161]. Создание техники и её совершенствование выступают как воплощение способности мира к становлению — способности, заданной Творцом и реализуемой через творчески-техническую деятельность человека.

Заключение

Рассмотрение идей Н. Фёдорова, П. Флоренского и Ф. Дессауэра о технике как особом способе воплощения замысла творца и преобразования природы через человека, реализующего потенциал божественного творения в культуре как пространстве технических изобретений, позволяет сделать ряд обобщений. Излагая их, следует указать, что речь идёт о религиозно-философских и теологических идеях. При этом само понимание и определение техники как части и ценности культуры у этих авторов близко и современным идеям философии техники [3].

Итак, понимание техники как способа воплощения божественного замысла связано у этих мыслителей с пониманием мира как становящегося, способного к развитию и совершенствованию. Вероятно, такое понимание обусловлено как современными им достижениями науки, так и способом их проективного осмысления в теологии и в религиозно-философских учениях конца XIX — первой половины XX в.

Антроподицея, которая, разумеется, концептуально по-разному представлена у Фёдорова, Флоренского и Дессауэра, во многом определялась у них признанием способности человека связать распадающийся мир, соединить его части (божественное, природное и человеческое). Это, с одной стороны, было

возвращением к целостности мира и человека, потерянной после грехопадения. С другой, давало возможность задать миру новый вектор развития, найти особые формы его непрерывного становления, возможности расширения масштабов этого становления до космических, способы сущностного природного и социально-антропологического преобразования.

Техника в этом случае выполняет миссию преодоления распада и восстановления мирового единства: человека с богом, божественного с природным, природного с социальным и т. п. — через культуру, понимаемую как деятельность человека, освящённая замыслом творца.

Литература

1. Алексеева В.И. Мир техники в философии русских космистов: А.В. Сухова-Кобылина, Н.Ф. Фёдорова, П.А. Флоренского, К.Э. Циолковского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gmik.ru/2017/10/02/mir-tehniki-v-filosofii-russkih-kosmistov-a-v-suhovo-kobyilina-n-f-fedorova-p-a-florenskogo-k-e-tsiolkovskogo>. [Alekseeva V.I. Mir tehniki v filosofii russkih kosmistov: A.V. Suhovo-Kobyilina, N.F. Fedorova, P.A. Florenskogo, K.E. Ciolkovskogo [Internet]. Available from: <http://www.gmik.ru/2017/10/02/mir-tehniki-v-filosofii-russkih-kosmistov-a-v-suhovo-kobyilina-n-f-fedorova-p-a-florenskogo-k-e-tsiolkovskogo>. (In Russ.)]
2. Бернюкевич Т.В. Рецензия на монографию А.Ю. Нестерова «Семиотические основания техники и технического сознания» // Гуманитарный вектор. — 2018. — № 3. — С. 197–200. [Bernjuevich T.V. Review of A.Yu. Nesterov's monograph "Semiotic bases of technique and technical consciousness". *Gumanitarnyj vektor*. 2018;(3):197–200. (In Russ.)]
3. Дессауэр Ф. Спор о технике: монография / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. — Самара, 2017. — 266 с. [Dessauer F. Spor o tehnike: monografija / per. s nem. A.Ju. Nesterov. Samara; 2017. 266 p. (In Russ.)]
4. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. — Самара, 2017. — 155 с. [Nesterov A.Ju. Semioticheskie osnovanija tehniki i tehničeskogo soznanija. Samara; 2017. 155 p. (In Russ.)]
5. Нестеров А.Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «Четвёр-
- тое царство» Ф. Дессауэра // Онтология проектирования. — 2016. — Т. 6. — № 3 (21). — С. 377–389. [Nesterov A.Ju. Epistemological and ontological problems of the philosophy of technology: "The fourth kingdom" of F. Dessauer. *Ontologija proektirovanija*. 2016;6(3(21)):377–389. (In Russ.)]
6. Павленко А.Н. Возможность техники. Часть III. Технический проект Фридриха Дессауэра // Историко-философский ежегодник. — 2007. — С. 325–351. [Pavlenko A.N. The possibility of Technology. Part III. Technical project of Friedrich Dessauer. *History of philosophy yearbook*. 2007:325–351. (In Russ.)]
7. Половинкин С.М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. — М.: Москва, 2015. — 362 с. [Polovinkin S.M. Hristianskij personalizm svjashhennika Pavla Florenskogo. Moscow: Moskva; 2015. 362 p. (In Russ.)]
8. Седых О.М., Хаменков М.А. Органопроекция: русский контекст // Философия науки и техники. — 2016. — Т. 21. — № 1. — С. 132–151. [Sedyh O.M., Hamenkov M.A. Organ projections: russian context. *Philosophy of science and technology*. 2016;21(1):132–151. (In Russ.)]
9. Скачков А.С. Общественная автотрофность в двух ракурсах философии техники // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 309. — С. 39–45. [Skachkov A.S. Autotrophy of mankind. *Tomsk State University Journal*. 2008;(309):39–45. (In Russ.)]
10. Терешкун О.Ф. Антропологическое осмысление техники (Э. Капп и П. Флоренский) // Приволжский научный вестник. — 2013. — № 9. — С. 46–53. [Tereshkun O.F. Anthropological comprehension of technology (E. Kapp & P. Florensky). *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. 2013;(9):46–53. (In Russ.)]
11. Фёдоров Н.Ф. Сочинения. — М.: Мысль, 1982. — 709 с. [Fedorov N.F. Sochinenija. Moscow: Mysl'; 1982. 709 p. (In Russ.)]
12. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. — Т. 1. — М.: АСТ, 2003. — 699 с. [Fedorov N.F. Filosofija obshhego dela. Vol. 1. Moscow: AST; 2003. 699 p. (In Russ.)]
13. Флоренский П. Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 2000. — Т. 3 (1). — 623 с. [Florenskij P. Sochinenija. In 4 vol. Moscow: Mysl'; 2000;3(1). 623 p. (In Russ.)]
14. Горохов В.Ф. Техника как ценность культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 10–5. — С. 127–132. [Gorohov V.F. Tekhnika kak tsennost' kul'tury. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2015;(10–5):127–132. (In Russ.)]

■ Информация об авторе

Татьяна Владимировна Бернюкевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии. ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», Москва.
E-mail: bernyukevich@inbox.ru.

■ Information about the author

Tatiana V. Bernyukevich — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy. Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia. E-mail: bernyukevich@inbox.ru.